

История деревни Большой Татош

Из воспоминаний первых поселенцев

В развитии Молчановского района заметную роль сыграли украинцы. Деревни Новая Тувинка, Большой Татош, села Тунгусово, Колбинка и другие активно заселялись украинцами в первой половине 20 века. Особое место занимала деревня Большой Татош, так как с 1897 года являлась переселенческим участком, на который отправляли вновь прибывших с Украины.

Переселенцы с запада

Деревня Большой Татош образована в 1898 году в основном переселенцами из Западной Украины (Волынской, Витебской, Черниговской губерний) и средней полосы России.

По сведениям списка населенных мест Томской губернии на 1911 год в Большом Татоше насчитывалось 75 дворов, проживало 268 душ мужского и 242 женского пола, имелись две мелочные лавки и хлебозапасный магазин. До 1918 года в Татоше работала маслобойка, на которой производили льняное масло. С 1918 года на реке Большой Татош действовали три водяные мельницы. Вырабатывали муку из отрубей, ячменя, овса и гречихи.

Информации о жителях сохранилось немного. Поэтому очень важными являются сведения, которые рассказали потомки переселенцев. Одна из них — Надежда Ефстафьевна Притула, о её семье и пойдет речь.

Отец Надежды, Ефстафий Иванович Ильчук, прибыл в Сибирь из Украины в возрасте 10 лет вместе с родителями и братьями. Семья приехала на молчановскую землю из Черниговской губернии примерно в 1900–1901 годах. Причиной переселения послужило малоземелье в Украине, тогда как в Сибири земли было много, «ее брали, сколько могли» по Столыпинской реформе.

Поселились первопоселенцы на высоком берегу реки. Место для деревни было выбрано удачное: его никог-

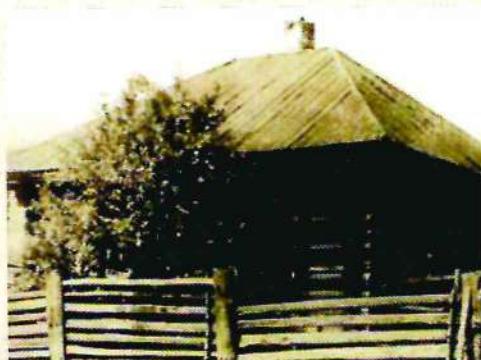
■ Семья Ильчук Евстафия Ивановича и Анны Даниловны с детьми

да не затапливало во время весенне-го половодья. Широко разливавшаяся река только заливала деревянный мост, соединяющий поселение с соседней деревней, а теперь селом, — Тунгусово. Приходилось переправляться через речку на обласке. По одной из версий, местные жители назвали деревню украинским словом «тату», т.е. отец. Название постепенно распространилось и на речку. Оно менялось несколько раз: поселок Татошинский, деревня Татош, в 1970-е годы деревня получила современное название Большой Татош.

Семья Ивана Ильчука срубила деревянный дом, баню, стайку, клуню, обрабатывала поля, разводила скот. Старшие сыновья, Родион и Ульян, завели семьи, их отделили. У Родиона Ивановича и жены Гапки родились дочь и четыре сына: Трофим, Степан, Иван и Андрей. Сыновья служили в действующей армии.

Освоение молчановской земли

Сибирь встретила первопоселенцев сурово. На месте деревни стояла непрходимая тайга. Жили в землянках, па-

■ Дом переселенцев Ильчук в Большом Татоше

латках, строили засыпушки. Некоторые семьи не выдерживали гнуса, холода, «ходатайствовали о разрешении возвратиться на родину» и уходили. Оставшиеся начали корчевать лес, рубить бревенчатые дома, хлевы, сараи, в землянках устраивали бани, но были и такие, кто продолжал жить в землянках.

Земли вокруг было много. Ее поделили между семьями, и участки носили имена хозяев. До наших дней в округе сохранились названия Антонов барак, Курьское озеро. Занимались земледе-

лием, скотоводством, пчеловодством. Имели лошадей, коров, мелкий скот, посевы до двух гектар: сеяли жито (ржь), просо, ячмень, гречиху, горох, коноплю, сажали картофель, овощи.

Жили большими семьями — так легче было строить дома, корчевать и пахать, работать в поле, обрабатывать урожай, ухаживать за скотом. Нравы были суровые, как сурова была природа в Сибири.

Во время Первой мировой войны полк, в котором служил старший сын Трофима Родионовича Ильчук, стоял в Белоруссии, в деревне Домашине Молодеченского района Молодеченской области. Там он и познакомился со своей будущей женой — Гелой (Ангелой) Даниловной Белько.

Завлек Трофим Гелу рассказами о вольной сибирской жизни, о землях, которые в Сибири каждый берет себе столько, сколько сможет обработать. В родной деревне для Гелы это была несбыточная мечта: паи на землю в семье выделялись только на мальчиков. Не испугалась она дальней дороги и, собрав в узел свои вещи, поехала с женихом в Сибирь. В семейном альбоме сохранилась свадебная фотография: жених в военной форме, невеста в белом платье из тонкой шерсти, белой фате, в высоких ботинках на каблуках со шнурковкой.

Быть нахлебником — позорно

Молодые жили вместе с родителями Трофима. Дом был небольшой, срубный. Держали много скота: лошадей, коров, свиней, овец, кур, гусей. Свекровь полюбила свою первую молодую сноху, но никак не могла выговаривать ее имя Ангела: «Ныняк я не могу выговорить имя твоё, давай я буду звать тэбэ Ганка», т.е. Анна. Имя прижилось, так и появилась Анна Даниловна Ильчук.

Сестра Анны Ильчук, работавшая нянькой у господ, поехала с ними в Америку, где и прожила всю свою жизнь.

В Гражданскую войну Трофима забрали в колчаковскую армию, откуда он так и не вернулся, и Анна Даниловна осталась одна с маленьким сыном Иннокентием. Свекровь успокаивала, говорила, что собирает деньги и поможет Анне вместе с малолетним сыном уехать на родину. Но пока собирали деньги, закрыли границу с Белоруссией. Оставался единственный выход — отдать сноху замуж, чтобы та не была нахлебницей. А было вдове 23 года. В то время в родах умерла первая жена Ефстафия Ивановича, дядя Трофима, — Евгения. Овдовевшие Анна и Ефстафий поженились. Анна Даниловна с сыном перешла жить в семью свое-

■ Землянки первых переселенцев в Сибири

го нового мужа, переселилась через шесть домов от прежнего дома. Но там уже не было ее защитницы свекрови. Другой семейный уклад, жизнь намного суровее. Кроме новой свекрови, которую все называли бабка Курьска, в семье жили два старших брата Евстафия Ивановича — Иван Иванович с женой Зуфией (старшая сноха) и Гаврила Иванович. Последний во время службы стоял зимой на посту, обморозил ноги. Одну ногу отняли по колено, а на второй — пальцы. Ходил на пртезе, опираясь на палку, был холост.

Евстафий Иванович был здоровый, сильный мужчина. Постоянно работал в лесу, заготавливал и корчевал лес. Выполнял тяжелую работу. В его семье тоже был полный двор скотины. На раскорчеванных полях сеяли зерновые, жали их серпами, свозили домой в клуню, а осенью обмолачивали цепами, мололи зерно в муку на жерновах. Жёрна были в каждой семье.

Работать приходилось много

Вскоре Евстафия Ивановича с семьей отделили: отдали им баню под дом. Перевезли они ее на свою собственную усадьбу, в 500 м от родительского дома. Усадьбу отделили изгородью. Рядом с домом, громко журча, протекала Тадия, за околицей начинился лес. К полученной бане приручили еще одну комнату.

В их браке родилось еще семеро детей, в том числе и Надежда.

Чтобы прокормить семью, работать приходилось много: пахали землю, сеяли пшеницу, рожь. Жили единолично. Получили надел земли. Пахали землю на лошадях, собственным плугом. На огороде, кроме овощей, выращивали лён и коноплю. После уборки стебли льна и конопли мочили в реке, сушили, мяли, трепали, чесали. Пряли в основном только по ночам, потом из конопляных или льняных нитей ткали холсты на «верстаке», по выражению Надежды Ефстафьевны. Вытканные холсты, серые и непрятливые, отбелывали: сначала вымачивали в воде, а затем сушили, расстелив на траве. Льняное полотно получалось более светлым и мягким, чем конопляное. Ткань из конопли шла на рабочие штаны, а иногда ее пускали и на половики.

Из отбеленного льняного полотна шили наволочки, накомодники, свесы для убранства кровати. Анна Даниловна сама выкраивала и шила на руках одежду для семьи. Нитки тоже сами пряли из льна, белили в золе, сушивали по две нитки и шили. Дочерям в приданное Анна Даниловна готовила по две подушки с вышитыми наволочками, и часть этих вещей до сих пор хранится у Надежды Ефстафьевны.

■ Корчевка леса переселенцами в Сибири

■ Свадьба Ильчука Трофима Родионовича и Белько Анны Даниловны

А из семени конопли делали постное масло. Просеивал Евстафий Иванович на ветру зерно от половы, ссыпал его в мешок и на маслобойне сбивал масло. Обычно получали 2–3 четвери — большие стеклянные бутыли, и ели масло целый год.

Обуви не было. Иннокентий плел лапти, и дети бегали в них по улице. Весной, как только сходил снег, бегали босиком.

Домашний быт крестьян

В первой комнате дома Ильчуков стояли русская печь и железная печка. За русской печкой, в углу, для детей соорудили полык: на бревна настелили доски, сверху положили домотканое рядно, под головы — съятки (верхняя одежда), укрывали самотканым полотном. Детей и взрослых донимали клопы. Время от времени Анна Даниловна, кипятила на печке воду, снимала с полыка вещи, убирала доски и ошпаривала кипятком места скопления клопов. На какое-то время это помогало. Детей мыла дома. В чугуне грела воду, выливала в бочку. Всех мыла в одной воде, а потом обливала чистой. Готовила щёлок из золы от березовых дров. В белую тряпочку завязывала березовую золу и бросала в кипящую воду.

Полы в доме были дощатые. Летом припасали песок и делали запасы драпачей — веников из березовых веток. Смачивали пол водой, посыпали песком и ногой шоркали драпачём по полу, доводя его до белого состояния. Стены были оштукатурены, замазаны белой глиной. Очередной новый слой белой глины наносили перед Рождеством. В ведре разводили глину пожиже и травяной щёткой белили. В первой комнате в правом углу висела икона, под ней находил-

ся стол, сделанный местными плотниками. Стол до сих пор стоит в их доме и не шатается. На столе красовался большой ведерный самовар на металлическом подносе. Вдоль стен располагались лавки. Во второй комнате находилась самодельная скрыня — сундук, где хранились вещи, и верстат — домашний ткацкий станок.

Окна были прорублены небольшие и невысоко от пола, застеклены одной рамой, плохо держали тепло, поэтому в лютые зимние морозы целую ночь топили железную печку. В русской печи готовили еду, а на печке грелись дети. Вечером зажигали керосиновую лампу без стекла (лампа со стеклом была у более зажиточных крестьян).

Держали пароконку, т.е. повозку, в которую запрягали двух лошадей. А еще корову и теленка, пять овец, свиньи были уличными — «надвирны свыни», которых не загоняли в стайку, и домашними, которых держали в отдельной стайке. Куры жили в доме.

Воду брали в Тадии. Зимой Евстафий Иванович возил воду в бочке на лошади, летом носили на коромысле.

Кухонную утварь, деревянные ложки носили по деревне и продавали местные умельцы. Кринки и «черепяны» миски делали гончары на хуторе возле Колбинки — Терешко, Бублиенко (будущие родственники Ильчуков).

Крестьянская кухня

Надежда Ефстафьевна хорошо помнит пищу, которую готовили в родительской семье. Рассказывает, как для «картопляных» галушек картошку терли на мелкой терке, цедили через сито и отжимали через марлю. Отделившийся сок сливали для получения крахмала, а натертый картофель сминали в однородную массу, отщипывали от нее кусочки и бросали в кипяток. Сваренные галушки заливали кипяченным молоком, получалось очень вкусно. Такое кушание, скорее всего, являлось не украинским, а белорусским блюдом. Поскольку именно для белорусской кухни характерно использование тертой картошки, да еще и отцеженной через марлю.

В русской печи готовили «пшеняную» кашу, а также борщ. Для его приготовления в чугун клали мясо, картошку, заготовку из свеклы, заливали водой и ставили в печь. Свекольную заготовку делали накануне дети: в кринку мелко крошили свёклу, добавляли туда ложку дрожжевого теста и оставляли на ночь, чтобы немного закваси-

■ Строительство дома в деревне

лось. В последнюю очередь в борщ клали капусту. Как поясняет Надежда Ефстафьевна, в украинском борще капуста должна хрустеть, то есть не должна быть переваренной. Борщ ели со сметаной. Очень любили в семье чесночную подливку: очищенный чеснок толкли в миске, солили и заправляли постным маслом. Полученной подливкой поливали варенную картошку.

Картошку хранили в вырытом подполье. Летом в базарный день рвали в огороде батун, укроп, брали яйца и везли в Могочино на продажу. Покупали керосин, спички. В Тунгусове была хлебозапасная лавка, Евстафий Иванович привозил по несколько мешков круглого хлеба и, чтобы он не засох, опускал в подполье. Хлеб стряпали и дома. Новое тесто замешивали в квашне, добавляя немного старого, так как дрожжей не было. Хлеб выпекали в печи. Для приготовления традиционных украинских пампушек тесто заводили, как на хлеб. Пекли их в русской печи, установив сковороду с пампушками на два чугунка или на кирпичи так, чтобы дно сковороды возвышалось над раскаленным полом печи. Испеченные пампушки укладывали на блюдо кольцом и ели со сметаной, молоком, борщом — «кто как хочет». Помимо этого, готовили калачи из дрожжевого теста, замешанного на молоке. Часто пекли оладьи, блины, пироги с разнообразными начинками — из мяса, моркови и других.

■ Родительский дом Надежды Притула в Большом Татоше в наши дни

■ Начальная школа на два класса в Сибири

С особым удовольствием Надежда Ефстафьевна вспоминает, как в родительской семье готовили различные колбасы. Залогом успеха в их приготовлении являлось строгое соблюдение технологии: свиные кишки тщательно вычищались и промывались, для начинки нежирная свинина нарезалась на мелкие кусочки, к ним добавлялись измельченный чеснок и соль. С помощью специального приспособления в виде петли из ивового прутика (оно до сих пор хранится в семье) кишки начинялись фаршем. Колбасу варили в глубокой сковороде с водой, прокалывая ее в нескольких местах, чтобы она не лопнула.

Радовались и горевали вместе

Большим праздником в семье считались «христины» — крещение новорожденного. Сразу после рождения ребенка устраивалось застолье, куда приглашали родственников. Собравшиеся за столом обмакивали заранее заготовленные веточки земляники в самогон, обмазывали ими друг другу губы и целовались. Затем приступали к трапезе, пели и танцевали. Таинство крещения совершалось в церкви соседнего села Колбинка.

Свадьбыправляли, по воспоминаниям Надежды Притула, «как и сейчас». Мать благословляла молодых иконой, которая до сих пор хранится в красном углу, на кухне, в доме Надежды Ефстафьевны.

На велию, то есть вечер накануне Рождества, готовили кутью из зерен пшеницы, которые предварительно толкли, просеивали, варили и поливали сиропом из сахара или медом. Как вспоминает Надежда Притула, отваренные зерна по вкусу напоминали первовку. В сочельник также подавали налима: его нарезали кусочками, варили в небольшом количестве воды и поливали мучным соусом. На само Рождество на стол обязательно ставили домашнюю колбасу и самогон, собственно ручно изготавленный Анной Даниловной.

Когда начинался сенокос, вся семья утром садилась на телегу, куда ставили

чугунок с борщом, кринки с молоком, клали хлеб, и ехали в поле. Однажды, когда родители метали стог сена, старшая Таисия играла с Надеждой. Во время игры Надежда упала под телегу, и Таисия стала вытягивать ее через дырки в телеге, в результате Надя вывихнула обе руки в локтях. На крики прибежала Анна Даниловна, но Евстай Иванович не разрешил идти в деревню, так как нужно было домечтать стог: «Ничего, потерпит до вечера». Когда вернулись домой, Анна Даниловна пошла к бабушке Тымчихе, которая вправила ребенку обе руки. Девочка уже даже не кричала.

В 1926 году населенный пункт, который на тот момент назывался поселком Большой Татошинский, состоял из 83 хозяйств, основное население — украинцы. На тот момент в нем проживало 405 человек. Деревня разрасталась.

В 30-е годы началось колхозное строительство, которое охватило близлежащие деревни. В Большом Татоше был образован колхоз «Победа» (1931 год), Колбинке — «Третий год пятилетки», Тунгусове — «им. Сталина», Ново-Тювинке — «им. Ворошилова». В 1950-е годы хозяйства были объединены в колхоз «им. Сталина», который в 1960 году реорганизовали в совхоз «Тунгусовский».

Когда-то была в Татоше кузница и ферма, зерносушилка и школа, детский садик и клуб. Дети учились в начальной школе, это была маленькая глинняная постройка. В соседнем Тунгусове открыли семилетку — школу крестьянской молодежи (ШКМ).

Судьба братьев и сестер Ильчуков сложилась по-разному, но почти все они уехали из родного села. Сама Надежда Ефстафьевна осталась жить в Большом Татоше, в родительском доме, который за это время успел претерпеть ряд перестроек. У нее трое детей: старшая дочь Людмила переселилась в Томск, сын Дмитрий — в Каргаск, а младшая Галина устроилась на работу директором Молчановской

районной библиотеки. Дети свободно владеют и русским, и украинским языками, таким образом сохраняя и украинскую культуру, и память о своих предках.

По состоянию на 2015 год в деревне проживало всего 49 жителей. В настоящее время в Татоше нет ни клуба, ни школы, ни больницы, ни магазина. Все услуги — в соседнем Тунгусове. Но деревня не выглядит умирающей. Здесь имеются крепкие личные подсобные хозяйства и обширные сенокосы и выпаса, выгодные естественные медоносные плодородные, где размещены пасеки. Жители встречают новый день в круговороте привычного крестьянского быта. Татош остается Большим. Сумели сохранить потомки первых поселенцев верность земле.

Подготовила Елена Дементьева по материалам МБУК «Молчановская межпоселенческая центральная библиотека», альманаха «Сибирская старина» (№ 27, 2013 год, «В деревне Большой Татош», автор А.Г. Власкина) и воспоминаний Г.А. Малыгиной «Ильчук — первопоселенцы украинской деревни Большой Татош».

■ Карусель — забава деревенских детей